

FOR NICK

*Finally...
Always*

7:09 A.M.

Everyone thinks it was because of the snow. And in a way, I suppose that's true.

I wake up this morning to a thin blanket of white covering our front lawn. It isn't even an inch, but in this part of Oregon a slight dusting brings everything to a standstill as the one snowplow in the county gets busy clearing the roads. It is wet water that drops from the sky — and drops and drops and drops — not the frozen kind.

It is enough snow to cancel school. My little brother, Teddy, lets out a war whoop when Mom's AM radio announces the closures.

"Snow day!" he bellows. "Dad, let's go make a snowman."

My dad smiles and taps on his pipe. He started smoking one recently as part of this whole 1950s, Father Knows Best retro kick he is on. He also wears bow ties. I am never quite clear on whether all this is sartorial or sardonic — Dad's way of an-

Нику

*Наконец-то...
Навсегда*

07:09

Все думают, что это случилось из-за снега. В каком-то смысле, наверное, так и есть.

Я проснулась утром, а газон перед нашим домом укрыт легким белым покрывалом. Оно лишь сантиметра три толщиной, но в этой части Орегона все, как правило, замирает, едва посыплет даже легкий снежок, потому что на всю округу единственный снегоочиститель и тот трудится на расчистке дорог. Здесь у нас с неба обычно падает мокрая — кап-кап-кап, — а не замороженная вода.

В общем, снега достаточно, чтобы не идти в школу. Мой младший брат Тедди издает боевой клич, когда мамино утреннее радио объявляет об отмене занятий.

— День снега! — вопит братишка. — Пап, пойдём лепить снеговика.

Папа улыбается и постукивает по трубке. Он начал курить ее недавно, когда вдруг увлекся этим старым сериалом «Папе видней», популярным в пятидесятые годы. Еще он носит галстуки-бабочки. Я никак не могу понять — то ли его

nouncing that he used to be a punker but is now a middle-school English teacher, or if becoming a teacher has actually turned my dad into this genuine throwback. But I like the smell of the pipe tobacco. It is sweet and smoky, and reminds me of winters and woodstoves.

“You can make a valiant try,” Dad tells Teddy. “But it’s hardly sticking to the roads. Maybe you should consider a snow amoeba.”

I can tell Dad is happy. Barely an inch of snow means that all the schools in the county are closed, including my high school and the middle school where Dad works, so it’s an unexpected day off for him, too. My mother, who works for a travel agent in town, clicks off the radio and pours herself a second cup of coffee.

“Well, if you lot are playing hooky today, no way I’m going to work. It’s simply not right.” She picks up the telephone to call in. When she’s done, she looks at us. “Should I make breakfast?”

Dad and I guffaw at the same time. Mom makes cereal and toast. Dad’s the cook in the family.

Pretending not to hear us, she reaches into the cabinet for a box of Bisquick.

новый образ — это верх элегантности, то ли папа просто насмехается и таким способом сообщает, что когда-то был панком, а теперь учит детей в средней школе, то ли учительство и в самом деле превратило его в завязанного консерватора. Но запах трубочного табака мне нравится: он сладковатый и дымный — и напоминает о зиме и дровяных печах.

— Ты, конечно, можешь предпринять героическую попытку, — отвечает Тедди папа. — Но вряд ли на дорожках хоть что-то залежалось. Пожалуй, сейчас у тебя лучше получится снежная амеба.

Я знаю, папа счастлив. Жалких три сантиметра снега означают, что все школы округа закрыты, включая мою старшую и среднюю, где преподает папа, — так что для него это тоже неожиданный выходной. Мама, работающая в туристическом агентстве нашего городка, включает радио и наливает себе вторую чашку кофе.

— Ну, раз вы все сегодня бездельничаете, то я уж точно не поеду работать. Это просто несправедливо. — Она берет телефон и звонит на работу; закончив разговор, смотрит на нас: — Мне что, теперь завтрак готовить?

Мы с папой хором хохочем: мама «готовит» кукурузные хлопья и тосты. Повар у нас папа.

Притворяясь, что не слышит нашего хохота, она достает из шкафчика коробку «Бисквика».

“Please. How hard can it be? Who wants pancakes?”

“I do! I do!” Teddy yells. “Can we have chocolate chips in them?”

“I don’t see why not,” Mom replies.

“Woo hoo!” Teddy yelps, waving his arms in the air.

“You have far too much energy for this early in the morning,” I tease. I turn to Mom. “Maybe you shouldn’t let Teddy drink so much coffee.”

“I’ve switched him to decaf,” Mom volleys back. “He’s just naturally exuberant.”

“As long as you’re not switching me to decaf,” I say.

“That would be child abuse,” Dad says.

Mom hands me a steaming mug and the newspaper.

“There’s a nice picture of your young man in there,” she says.

“Really? A picture?”

“Yep. It’s about the most we’ve seen of him since summer,” Mom says, giving me a sidelong glance with her eyebrow arched, her version of a soul-searching stare.

“I know,” I say, and then without meaning to, I sigh.

Adam’s band, Shooting Star, is on an upward spiral, which, is a great thing — mostly.

— Ну ладно, вряд ли это так сложно. Кто хочет оладий?

— Я, я хочу! — подпрыгивает Тедди. — А можно с шоколадной стружкой?

— Не вижу препятствий, — отвечает мама.

— Ура-а! — вопит Тедди, размахивая руками.

— Что-то у тебя многовато энергии для столь раннего утра, — поддразниваю я и поворачиваюсь к маме: — Пожалуй, тебе не стоит позволять Тедди пить так много кофе.

— Я уже давно завариваю ему без кофеина, — парирует мама. — Он просто буен от природы.

— Главное — мне не заваривай без кофеина, — сдаюсь я.

— Ну, это уже было бы насилие над ребенком, — замечает папа.

Мама вручает мне дымящуюся кружку и газету.

— Там отличная фотография твоего красавчика.

— Правда? Неужели фотография?

— Ага. Кажется, с лета мы большего и не видели. — Мама поднимает брови и смотрит на меня искоса — так она «заглядывает в душу».

— Это да, — отвечаю я, невольно вздыхая.

«Звездопад», так называется группа Адама, быстро набирает популярность, и это прекрасно по большей части.

“Ah, fame, wasted on the youth,” Dad says, but he’s smiling. I know he’s excited for Adam. Proud even.

I leaf through the newspaper to the calendar section. There’s a small blurb about Shooting Star, with an even smaller picture of the four of them, next to a big article about Bikini and a huge picture of the band’s lead singer: punk-rock diva Brooke Vega. The bit about them basically says that local band Shooting Star is opening for Bikini on the Portland leg of Bikini’s national tour. It doesn’t mention the even-bigger-to-me news that last night Shooting Star headlined at a club in Seattle and, according to the text Adam sent me at midnight, sold out the place.

“Are you going tonight?” Dad asks.

“I was planning to. It depends if they shut down the whole state on account of the snow.”

“It is approaching a blizzard,” Dad says, pointing to a single snowflake floating its way to the earth.

“I’m also supposed to rehearse with some pianist from the college that Professor Christie dug up.”

Professor Christie, a retired music teacher at the university who I’ve been working with for the last few years, is always looking for victims for me to play with. “Keep you sharp so you can show all those Juilliard snobs how it’s really done,” she says.

— Ах, слава молодым не впрок, — изрекает папа, но при этом улыбается. Я знаю, он очень рад за Адама. Даже горд.

Я пролистываю газету до календарного раздела. Там маленькая информационная врезка о «Звездопаде» с еще меньшей фотографией всей четверки, а рядом большая статья про «Бикини» и огромный снимок их вокалистки, панк-рок-дивы Брук Веги. О ребятах сказано только, что «местная группа «Звездопад» выступит на разогреве у «Бикини» на портлендском отрезке гастрольного тура звезд панк-рока по стране». В статье не упоминаются куда более важные для меня новости: вчера вечером «Звездопад» был хедлайнером в одном из клубов Сиэтла и, судя по эсэмэске, которую Адам прислал мне в полночь, собрал полный зал.

— Едешь сегодня? — спрашивает папа.

— Собиралась. Если весь штат не парализует из-за снега.

— И в самом деле, ведь надвигается метель. — Папа указывает на одинокую снежинку, неторопливо плывущую к земле.

— Еще я, кажется, буду репетировать с каким-то пианистом из университета, его профессор Кристи где-то откопала.

Профессор Кристи, университетская преподавательница музыки на пенсии, у которой я занимаюсь последние несколько лет, все время ищет новые жертвы — с кем я могла бы сыграть. «Держи себя в форме, и ты еще покажешь всем этим

I haven't gotten into Juilliard yet, but my audition went really well. The Bach suite and the Shostakovich had both flown out of me like never before, like my fingers were just an extension of the strings and bow. When I'd finished playing, panting, my legs shaking from pressing together so hard, one judge had clapped a little, which I guess doesn't happen very often.

As I'd shuffled out, that same judge had told me that it had been a long time since the school had "seen an Oregon country girl." Professor Christie had taken that to mean a guaranteed acceptance. I wasn't so sure that was true. And I wasn't 100 percent sure that I wanted it to be true. Just like with Shooting Star's meteoric rise, my admission to Juilliard — if it happens — will create certain complications, or, more accurately, would compound the complications that have already cropped up in the last few months.

"I need more coffee. Anyone else?" Mom asks, hovering over me with the ancient percolator.

I sniff the coffee, the rich, black, oily French roast we all prefer. The smell alone perks me up.

"I'm pondering going back to bed," I say. "My cello's at school, so I can't even practice."

снобам из Джульярда, что значит настоящее исполнение», — говорит она.

Я еще не поступила в Джульярд, но прослушивание прошло чрезвычайно удачно. И баховская сюита, и Шостакович лились из меня так, как никогда прежде, — будто мои пальцы стали живым продолжением струн и смычка. Когда я закончила играть — тяжело дыша и с дрожью в ногах, оттого что слишком сильно их сжимала, — один из членов комиссии даже похлопал, а это, как мне кажется, случается не так уж часто.

Когда я выползла за дверь, тот же самый экзаменатор сказал мне, что их консерватория давно «не видела деревенских девочек из Орегона». Профессор Кристи сочла это добрым знаком и уже не сомневалась в моем зачислении, в отличие от меня. К тому же я и сама толком не знала, хочу я этого или нет. Как и стремительный взлет группы Адама, мое поступление в Джульярд, если оно, конечно, состоится, создаст некоторые сложности или, точнее, усугубит те, что возникли в последние несколько месяцев.

— Я хочу еще кофе, кто со мной? — спрашивает мама, нависая надо мной с древней кофеваркой.

Я вдыхаю аромат кофе — густого, черного, французской масляной обжарки, как мы все любим. Один только запах меня уже бодрит.

— Я-то подумываю, не пойти ли еще поспать, — говорю я. — Виолончель в школе. Так что я даже позаниматься не могу.

“Not practice? For twenty-four hours? Be still, my broken heart,” Mom says. Though she has acquired a taste for classical music over the years—“it’s like learning to appreciate a stinky cheese”—she’s been a not-always-delighted captive audience for many of my marathon rehearsals.

I hear a crash and a boom coming from upstairs. Teddy is pounding on his drum kit. It used to belong to Dad. Back when he’d played drums in a big-in-our-town, unknown-anywhere-else band, back when he’d worked at a record store.

Dad grins at Teddy’s noise, and seeing that, I feel a familiar pang. I know it’s silly but I have always wondered if Dad is disappointed that I didn’t become a rock chick. I’d meant to. Then, in third grade, I’d wandered over to the cello in music class — it looked almost human to me. It looked like if you played it, it would tell you secrets, so I started playing. It’s been almost ten years now and I haven’t stopped.

“So much for going back to sleep,” Mom yells over Teddy’s noise.

“What do you know, the snow’s already melting.” Dad says, puffing on his pipe.

I go to the back door and peek outside. A patch of sunlight has broken through the clouds, and

— Не будешь заниматься? Целых двадцать четыре часа?! «Молчи, молчи, разбитая душа», — восклицает мама. Хотя она и приобрела с годами некоторый вкус к классической музыке — «с этим как с вонючими сырами: постепенно начинаешь разбираться», — но невольное прослушивание моих марафонских репетиций не всегда приводит ее в восторг.

Со второго этажа доносится лязг и грохот: Тедди лупит по своей барабанной установке. Вообще-то она папина — была когда-то, когда он играл в широко известной в узких кругах жителей нашего городка группе и работал в музыкальном магазине.

Я вижу папину довольную улыбку и чувствую привычный укор совести. Знаю, это глупо, но меня всегда мучил вопрос, не расстроен ли папа, что я не пошла в рок-музыку. В общем-то я и собиралась, но в третьем классе на уроке музыки вдруг увидела виолончель, и она показалась мне совершенно живой. Казалось, если на ней играть, она откроет множество секретов, так что я начала учиться. Прошло уже почти десять лет, а я все продолжаю.

— Слишком шумно, чтобы спать, — перебивает мама грохот барабанов.

— А знаете что, — говорит папа, попыхивая трубкой, — снег-то уже тает.

Я иду к задней двери и выглядываю наружу. Сквозь облака пробилось солнце, и слышен шо-